

ПРАВО

УДК 347.9

DOI: 10.21779/2500-1930-2024-39-4-80–86

И. Ю. Целовальникова

Гражданско-правовые аспекты «цифровой среды»

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; Россия, 117418, г. Москва, Новочерёмушкинская улица, 69; youlaw@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые гражданско-правовые аспекты в цифровой среде, например, актуальные вопросы особенностей правосубъектности, специфика отношений, возникающих при использовании агрегаторов и др. Исследованы понятия цифровой идентичности и цифровой смерти. Затронуты вопросы ответственности в цифровой среде и проблемы использования искусственного интеллекта.

Широкое распространение технологий и популярность использования агрегаторов приводит к усложнению обязательственных правоотношений, возникающих между участниками гражданского оборота. Как правило, при использовании приложений принято говорить об обязательственных правоотношениях, однако ряд ученых в настоящее время обосновывают необходимость признания правосубъектности за искусственным интеллектом.

Полагаем, что подобное направление развития науки может привести к необратимым последствиям и негативно повлияет на гражданский оборот, так как не способствует созданию механизмов полноценной защиты участников правоотношений.

С учетом проведенного анализа автором определены перспективы совершенствования законодательства в рамках исследованной тематики.

Ключевые слова: правосубъектность, цифровая среда, цифровая личность, искусственный интеллект.

Понятия *жизнь* и *смерть*, несомненно, являются философскими, однако они закреплены в действующей системе законодательства, так как с указанными юридическими фактами связан целый ряд гражданских прав и обязанностей в различных отраслях системы законодательства Российской Федерации.

Развитие технологий бросило вызов гражданско-правовой науке в вопросах появления новых объектов гражданских прав и расширения многообразия субъективных прав в цифровой среде. В научном сообществе и в политических кругах возлагались надежды на легализацию цифровой среды, которая, по мнению ряда авторов, должна была решить проблемы правоприменительной практики.

Как справедливо отмечается в научной литературе: «за последние 50 лет технический прогресс вызвал настоящую "цифровую революцию", которая все еще продолжается, трансформируя – сначала на микроуровне, а затем на макроуровне – все аспекты общественной жизни. В частности, развиваются способы взаимодействия с другими лицами и способы обмена личными данными, подход к миру труда, культуры и информации, способ хранения и передачи документов, а также сама концепция наследия» [1, с. 30]. При этом «цифровой профиль личности, позволяющий объединять различные массивы сведений, повышая эффективность информационного обмена, выступает в качестве инструмента проведения стратегических изменений, связанных с функционированием общества в условиях цифровой трансформации» [2, с. 59].

Вместе с тем легализация правовых категорий цифровой среды лишь ярче окрасила существовавшие доктринальные противоречия, «закрываемые» приемами юридической техники при правовом регулировании и виртуозностью судебной практики.

Несомненно, цифровые технологии значительно облегчают наше существование и жизнедеятельность, уже невозможно представить современного человека без соответствующих гаджетов и определенного набора агрегаторов, в том числе и социальных сетей. Это и личные отношения, и рабочие вопросы, и формы досуга, и даже электронное правосудие. В связи с этим все чаще и все громче высказываются предложения по закреплению правового статуса искусственного интеллекта.

Однако, отдавая должное глубоким исследованиям, проведенным рядом ученых [3], обращающих внимание на алгоритмическую зависимость в работе так называемого искусственного интеллекта, необходимо констатировать преждевременность этих идей, по крайней мере, на сегодняшнем этапе технологического развития общества, с точки зрения буквального значения исследуемого понятия.

В настоящее время активно используются интернет-ресурсы и в личной жизни, и в профессиональной деятельности, широкое распространение получило такое направление, как блогерство. При этом огромное количество информации, в том числе и персональные данные, находятся в свободном доступе сети Интернет. И возникает ряд вопросов: что происходит с указанной информацией после удаления аккаунта, в случае, если кто-то успел скопировать данные, или в случае физической смерти пользователя страницы? Все эти вопросы уже поднимались и обсуждались научным сообществом (см. об этом [4]).

Как отмечается в научной литературе, «цифровой профиль – это информационный электронный носитель, сохраняющий все данные о гражданине с целью обеспечения доступа через портал государственных услуг к данным о нем, содержащимся в других государственных информационных системах» [5, с. 212].

Таким образом, исходя из анализа существующих определений, совокупность информации, которая размещается пользователем активно, на основании собственных действий, является цифровым следом, а информация, накапливаемая при отсутствии активных действий пользователей, т. е. неявно, зачастую без его ведома, признается цифровой тенью.[6, с. 15].

Развитие технологий способствовало и развитию новых видов общественных отношений. Существование различных видов информационно-аналитических систем, например, таких как агрегатор услуг, маркетплейсы, товарные агрегаторы, классифайд, новостные агрегаторы и других, значительно упрощают процедуру поиска и обмена информацией, товарами, работами или услугами, что сокращает не только время, но и издержки. Таким образом, не только в предпринимательской сфере, но и среди граждан широкое распространение получили различные формы взаимодействия посредством электронных способов передачи информации и товарообмена [7, с. 427].

Кроме того, с развитием технологий стали появляться совершенно новые общественные отношения и юридические факты, являющиеся основанием возникновения обязательственных правоотношений. Например, старт правовому регулированию цифровых отношений был положен принятием национальной программы в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утверждением ее 24 декабря 2018 года на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам. В связи с этим примечательно, что в соответствии с Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении

эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных” с 1 июля 2020 г. стартовал эксперимент по установлению на 5 лет специального правового режима в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также последующего использования результатов его применения [8, с. 123].

Введение указанных выше технологий и их апробация имеют особое значение для развития общества, обеспечения защиты прав и законных интересов всех его членов. Это и соблюдение правил дорожного движения, и возможность идентификации и оплаты при использовании биометрии, и упрощение порядка согласования и выдачи кредитных средств, и оперативность согласования в процессе электронного документооборота, и расширение возможностей при реализации электронного правосудия, и экономия времени и средств при участии в процессе и при электронном ознакомлении с материалами дела.

«Бесспорно, комплекс прав человека, в том числе конституционных, постоянно эволюционирует. В доктрине обычно пишут и говорят о нескольких поколениях прав человека исходя из времени и степени их признания государством. В частности, в юридической литературе к новому поколению прав человека относят такие права, как право на забвение (под которым понимают право человека требовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи сведений об указателе страницы на сайте в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной информации о данном человеке); в некоторых странах – право на цифровую смерть (под которым понимают право человека на соблюдение после своей смерти поставщиками online-услуг или доверенными лицами его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной online); право на цифровое изображение физического лица; право на цифровую идентичность; право на защиту от нежелательной информации; право на доступ к Интернету и др. Жизнь не стоит на месте, и неудивительно, что у современного человека появляются новые права, в том числе цифровые»[9, с. 37–38].

Однако широкое внедрение цифровых технологий должно быть обеспечено адекватной системой мер защиты участников этих отношений, которая, на наш взгляд, должна основываться и исходить по аналогии с законодательством о защите прав потребителей из того, что основная группа участников отношений является слабой стороной, не обладающей необходимым набором знаний и профессиональных навыков.

На первый взгляд может показаться, что это все имеет весьма далекое отношение к гражданскому праву и в большей степени связано с административным и уголовным правом. Вместе с тем все указанные выше примеры могут быть связаны с причинением убытков, а именно как реального ущерба, так и упущенной выгоды участникам цифрового оборота, не говоря уже о негативных последствиях, связанных с репутационным вредом, который в настоящее время может быть причинен как физическим, так и юридическим лицам.

Все это указывает на необходимость при введении в оборот цифровых объектов разработки и внедрения комплексной правовой системы защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота, в которой, как сообщающиеся сосуды, будут коррелировать положения различных отраслей права, направленные на обеспечение адекватной комплексной защиты конституционных прав и свобод всех субъектов права.

В последнее время в научной литературе все чаще высказывается мнение о необходимости признания правосубъектности за искусственным интеллектом. В данном случае ученые апеллируют к определенной автономности и многозадачности искусственного интеллекта, однако, как представляется, данная аргументация не является убедительной. На наш взгляд, на сегодняшнем этапе развития искусственного интеллекта его можно сравнить со сковородкой – создана при помощи решения человеком определенных задач (сплав и форма) и является средством многообразного использования (способом), а что готовить и как, используя данное средство (способ), – это уже фантазия и вдохновение лица, осуществляющего ее эксплуатацию.

Таким образом, объективно оценивая особенности «работы» искусственного интеллекта, необходимо отдать должное алгоритмическим особенностям, реализуемым вдохновением интеллекта человека – автора. А неразвитость данных технологий свидетельствует об отсутствии у их создателей элементарных знаний о философии и физике, так что на сегодняшний день уровень этой работы – самое обычное ремесленничество.

Как представляется, проблема адекватности определения правовой категории *цифровые права* заключается в отсутствии разработанности теоритических основ категории *информация* в гражданско-правовой науке, при этом сам термин *информация* не прижился в гражданско-правовой сфере. В настоящее время получило широкое распространение употребление понятий *данные*, *база данных* или *большие данные*, которые представляют альтернативу традиционным системам управления базами данных и бизнес-аналитики. Вместе с тем это не меняет значения содержания данных терминов, в целом, все это определенные сведения вне зависимости от формы их представления [8, с. 125].

Кроме того, особый вопрос возникает в рамках ответственности, появляющейся при взаимодействии с искусственным интеллектом, в данном случае возникают сложные обязательственные отношения. Например, такие виды мошенничества, как фишинг, вишинг, смишинг, фарминг, направленные на получение конфиденциальных данных и дальнейшее их использование, стали уже чем-то обыденным в нашей повседневной жизни. Появился новый тренд киберпреступности – криптоджекинг, связанный с эксплуатацией пропускной способности и вычислительной мощности пользователей Интернета для добычи криптовалют. Хотя в некоторых случаях это не является незаконным, тем не менее, это создает дополнительные потоки доходов и следовательно мотивацию для злоумышленников взламывать законные веб-сайты, чтобы использовать свои системы посетителей. Реальная вредоносная программа «Cryptomining» работает с тем же эффектом, но может навредить системе жертв, монополизировав их вычислительную мощность [8, с. 125].

Полагаем, что с точки зрения правоприменения к данным отношениям может быть использован режим, реализуемый в настоящее время в отношении результатов интеллектуальной деятельности, в том числе с особенностями обеспечения охраны и защиты этих прав, как личных неимущественных, так и имущественных, и иных прав, а также отношений, связанных с наследованием.

Схожий подход прослеживается и в зарубежной практике правового регулирования. Например, рассматривая практику решения данных вопросов, в некоторых европейских государствах отмечаются следующие особенности: «С целью защиты прав граждан на цифровые объекты после смерти в Великобритании создана Digital Legacy Association – Ассоциация цифрового наследия, которая занимается вопросами планирования в определении судьбы цифровых объектов, в организации потоковых видеотрансляций похорон, в создании онлайн-мемориалов и др. Гражданское законода-

тельство Швейцарии цифровые данные, которые хранятся на локальном носителе данных или конечном устройстве, вместе со всеми другими наследственными активами признает частью наследственной массы. Но в части данных, которые хранятся только в Интернете, распространяется правовой режим личных прав, не предусматривающий их переход к наследникам. У родственников есть только ограниченные возможности, основанные на защите интересов умершего. В Германии 12 июля 2018 г. Федеральный суд (BGH) вынес знаменательное решение в отношении цифровой недвижимости. Facebook должен предоставить матери умершей девочки доступ к заблокированной учетной записи ее дочери. У матери были данные доступа, но она больше не могла войти в систему из-за уже активированного мемориального статуса. Суд решил, что цифровой контент, как и дневник, может передаваться по наследству, и удовлетворил требование матери. Однако история имела продолжение, поскольку Facebook не предоставил матери доступ к учетной записи ее дочери, а вместо этого передал USB-накопитель, содержащий PDF-файл учетной записи Facebook, содержащей более 14 000 страниц. В связи с этим мать снова обратилась в областной суд с просьбой о наложении штрафа на Facebook в размере 10 000 евро за невыполнение установленных законом обязательств. Требование было удовлетворено, ибо, как указал суд, для наследников важно не только содержание контента, которое было предоставлено нарушителем, но и сама возможность "перемещаться" в учетной записи Facebook, как это было при жизни наследодателя» [10, с. 154].

Интересна практика, которая реализуется в США. Как указывает Ходырева Е. А., «из-за отсутствия надлежащей регламентации только в США ежегодно жертвами хакеров и похитителей личных данных становится около 2,5 млн умерших. Несмотря на отсутствие единого нормативного акта для всех штатов, в США принят Закон о фидуциарном доступе к цифровым активам, который решает вопросы порядка предоставления доступа и раскрытия информации о цифровых активах наследодателя. В частности, наследодатель при жизни может установить запрет на разглашение информации о своих цифровых активах, включив соответствующее условие в завещание. Правомочен наследодатель определить и конкретное лицо, которому будет поручено осуществление тех или иных действий с полученными цифровыми объектами. Право такого лица, личного представителя, на доступ к цифровым активам закреплено и в Едином наследственном Кодексе США (разд. 3-711)» [10, с. 153].

Эта специфика имеет основы и в рамках нашего законодательства, например, возможность родственников-наследников обеспечивать защиту прав на результаты интеллектуальной деятельности наследодателя. Однако в рамках нашей правовой системы отсутствует практика прецедентного права и специальных способов защиты в виде особого правового регулирования данных правоотношений.

Помимо прочего, данные правоотношения осложняются прежде всего спецификой участия в них субъектов гражданского права. Это связано с особенностями работы цифровых платформ и с цифровым кодом, представляющим собой и цифровую подпись (цифровую идентификацию субъекта гражданских правоотношений), и возможность доступа к данным, содержащимся на платформе.

Соответственно у наследников могут возникнуть трудности и с доступом на платформу, и с получением данных, содержащихся там.

Необходимо отметить, что в рамках данных отношений особая роль выпала нотариусам, которым в условиях несовершенства нашего законодательства и стремительного развития технологий приходится варьировать при попытках обеспечить защиту прав и законных интересов наследников.

Литература

1. Де Роза, Р. Э. Что станет с моим "цифровым наследием", когда я умру? / Р. Э. Де Роза // Право и цифровая экономика. 2022. № 1. – С. 30–40.
2. Степанов, О. А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Российская юстиция. 2024. № 1. – С. 59–69.
3. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие / И. А. Филипова. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 293 с. – Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/121114.html> (дата обращения: 05.07.2024).
4. Зырянов, И. А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта / И. А. Зырянов // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. – С. 53–58.; Ходырева, Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография / Е. А. Ходырева. – Москва: Статут, 2022. – 386 с.; Дьяконова, М. О. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М. О. Дьяконова, А. А. Ефремов и др.; под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. – Москва: Норма, 2022. – 376 с.
5. Кондаков, А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А. М. Кондаков, А. А. Костылева // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. № 3. – С. 212.
6. Карлаш, Д. С. Правовое регулирование цифровых следов и цифровых теней при обработке больших данных / Д. С. Карлаш // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. – С. 14–21.
7. Целовальникова, И. Ю. Защита гражданских прав в условиях цифровизации имущественных правоотношений на примере правового регулирования формы сделок (договоров) / И. Ю. Целовальникова // Образование и право. 2023. № 7. – С. 426–431.
8. Целовальникова, И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей / И. Ю. Целовальникова // Современный юрист. 2020. № 3 (32). – С. 121–130.
9. Балаян, Э. Ю. Влияние цифровизации на формы реализации конституционных прав человека в России / Э. Ю. Балаян // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 10. – С. 34–40.
10. Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография. – Москва: Статут, 2022. – 386 с.

Поступила в редакцию 9 июля 2024 г.

Принята 4 сентября 2024 г.

UDC 347.9

DOI: 10.21779/2500-1930-2024-39-4-80–86

Civil Law Aspects of the Digital Environment

I. Yu. Tselovalnikova

Department of Civil law Russian state University of justice; Russia, 117418, Moscow, Novocheremushkinskaya st., 69; youlaw@rambler.ru

Abstract. This article examines some civil law aspects in the digital environment, for example, topical issues of legal personality, the specifics of relations arising from the use of aggregators. The concepts of digital identity and digital death are investigated. The issues of responsibility in the digital environment and the problems of using artificial intelligence are discussed.

The widespread use of technologies and the popularity of the use of aggregators leads to a complication of the legal relations of obligations arising between participants in civil turnover. As a rule, when using applications, it is customary to talk about binding legal relations, however, a number of scientists currently justify the need to recognize artificial intelligence as legal personality.

The article states that such a trend in the development of science can lead to irreversible consequences and negatively affect civil turnover, as it does not contribute to the creation of mechanisms for the full protection of participants in legal relations.

Taking into account the analysis, the author identifies the prospects for improving legislation within the framework of the studied topic.

Keywords: legal personality, digital environment, digital personality, artificial intelligence.

Received 9 July, 2024

Accepted 4 September, 2024